

На следующее утро тучи рассеялись, но холод никуда не делся.

В полумраке комнаты Юнь Чэ вздрогнул и мгновенно проснулся, а вслед за этим в животе предательски заурчало от голода. Увидев, что за окном начинает светать, он с облегчением выдохнул. Наконец-то не придется делить с Лу Мином полмиски каши и мучиться от желудочных спазмов. Позавчера вечером он съел двойную порцию, вчера утром проснулся поздно, а сегодня, то ли от голода, то ли по привычке, вскочил вовремя.

Он проворно оделся и уже собрался выйти, чтобы узнать, что сегодня на завтрак, как вдруг почувствовал холод в области шеи и замер.

— Это что... уменьшенная каменная стела?

Юнь Чэ прищурился, разглядывая черный, похожий на нефритовую пластину предмет. Шнурок, на котором он висел, был из неизвестного материала, но держался крепко.

— Пятая тетушка, младшая тетушка, пора вставать.

Снаружи послышался приглушенный голос Лу Хуэй, которая тут же поспешила прочь, быстро удаляясь. Юнь Чэ сунул пластину за пазуху, решив разобраться с ней позже, и поспешно вышел из комнаты. Видимо, Лу Хуэй звала его и вчера, но из-за дождя он ничего не услышал.

Лу Мин все еще крепко спал, дыша ровно и спокойно. Юнь Чэ осторожно прикрыл за собой дверь, не желая его будить. Как человек, который сам долго не мог встать с постели, он понимал: Лу Мин не притворяется. Когда организм истощен, долгий сон — лучший способ восстановиться.

Небо едва начало светлеть, но в доме Лу, похоже, уже все встали, кроме детей. Ворота во двор были распахнуты, на земле виднелись беспорядочные следы, а в сарае с инвентарем стало заметно меньше мотыг и граблей — кто-то уже ушел в поле. Даже после вчерашнего ливня люди с рассветом отправились на работу. Юнь Чэ не был земледельцем и знал об этом лишь в теории: после дождя почва мягкая, и выкапывать остатки корней растений гораздо легче. А если их высушить и разбить комья земли, то получится неплохое топливо. В поселении рубить деревья без разрешения запрещалось, так что собирать хворост было непросто. Семья у Лу большая, еды и дров уходит уйма, без строгой экономии не выжить.

— Иди помоги Сяо Хуэй покормить кур, — распорядилась вышедшая из дома старуха Лу, заметив, что Юнь Чэ растерянно озирается.

В доме все обязанности были распределены, но Юнь Чэ был новичком и еще не освоился, так что лучше было дать ему простое поручение, чтобы он не путался под ногами. К тому же, скоро предстояло отделять младшего сына, и старуха не хотела отнимать работу у четырех невесток, чтобы нагрузить Юнь Чэ. Пусть пока просто привыкает к дому.

Юнь Чэ послушно пошел за Лу Хуэй на задний двор и был поражен его размерами. По обе стороны тянулись два ряда комнат — всего восемь штук, по две на семью, а в центре двора располагался большой прямоугольный огород, где еще виднелись остатки овощей.

Если бы это можно было перенести в мой сон, здесь поместилось бы целое поле, — подумал Юнь Чэ, не отставая от девушки.

Курятник был спрятан хитро: его устроили между двумя рядами домов, соединив их крышами. На первый взгляд казалось, что это два отдельных блока по четыре комнаты, но на самом деле их связывал курятник.

— Здесь две комнаты нашей семьи, напротив — дом второго дяди, рядом с нами — третий дядя, а напротив него — четвертый, — шепотом объясняла Лу Хуэй.

Сначала она покормила кур у своей стены, и куры в соседнем загоне, почуяв еду, тут же засуетились, подняв невообразимый гвалт. Пока Юнь Чэ помогал раздавать корм из злаков и какой-то зелени, он успел пересчитать птиц: всего одиннадцать, шесть на их стороне и пять на противоположной. В обычных семьях куры — ценное имущество, и по тому, как их разместили, было ясно, что здесь к ним относятся с должным уважением.

Дом Лу довольно зажиточный, — отметил про себя Юнь Чэ, оценивая размеры амбара за домом и прикидывая, сколько там может храниться зерна. Вряд ли это все запасы, но большая часть — точно.

Вернувшись на передний двор, они застали обычную утреннюю суету: невестки стирали одежду или возились с соленым мясом, а старуха Лу наставляла младшую дочь Лу Цяо, как готовить еду. Девочки лет восьми-деяти с серьезным, не по годам взрослым выражением лица внимательно слушали бабушку.

— Жижя не должна быть слишком жидкой, как вода — от такой не наешься. Но и густой делать нельзя, зря зерно переведешь. На двоих нужно...

Старуха Лу почти за руку учила дочь, как из минимума продуктов приготовить сытную еду. У Юнь Чэ на душе стало тяжело. Если вдуматься, в его мире люди начали досыта есть совсем недавно, но многие уже успели разучиться ценить пищу.

Пока Лу Цяо возилась с завтраком на двадцать шесть человек, небо окончательно посветлело. Проснувшиеся дети с заднего двора с криками о голоде устремились вперед, отчего у Юнь Чэ даже мурашки побежали по коже. Лу Хуэй только собралась позвать брата, чтобы тот кликнул деда, как со стороны ворот послышались шаги — мужчины уже возвращались.

— Как раз вовремя, завтрак готов, — сказала старуха Лу и жестом велела Юнь Чэ отнести миски ему и Лу Мину в комнату, а детей попросила вынести столы.

— Ешьте быстрее. Седьмой дядя скончался, надо сходить поведать, — старик Лу, нахмурившись, смыл грязь с рук и торопливо заговорил.

После этих слов во дворе воцарилась тишина. Дети, умеющие чувствовать настроение взрослых, притихли и уткнулись в свои миски с кашей и бататом, боясь проронить хоть слово.

— Как же так? Он ведь вроде крепкий был? — спросила старуха Лу, отхлебывая кашу.

— Дела внешние... Третий сын Седьмого дяди погиб, весть только сегодня пришла. Старик не выдержал, как услышал — так на месте и рухнул.

Старик Лу быстро мешал кашу, чтобы она остыла, мечтая поскорее расправиться с едой и уйти.

— Эх... ничего не поделаешь, такова судьба... — Старуха Лу с грустью вздохнула, вспоминая о сыне Седьмого дяди, который промышлял где-то на стороне.

Четверо братьев и их жены помрачнели. Сидя в комнате, Юнь Чэ кормил Лу Мина и прислушивался к разговору. Он почти не сомневался: сын Седьмого дяди был бандитом и погиб в какой-то вылазке. Похоже, в их системе девяти деревень и восемнадцати поселений кто-то уходил в банды грабить, а кто-то оставался дома, обеспечивая тыл. За два дня наблюдений Юнь Чэ убедился: эта семья — не хладнокровные убийцы, скорее обычные крестьяне, промышляющие охотой.

— В этот раз много народу полегло. У нас в поселении он был один такой, иначе пришлось бы по жребью выбирать, кто пойдет на замену, — старик Лу обвел взглядом сыновей.

Те сидели, опустив головы, и молчали. Если дело дойдет до жеребьевки, очередь может дойти и до их дома.

<http://bllate.org/book/20794/2089285>